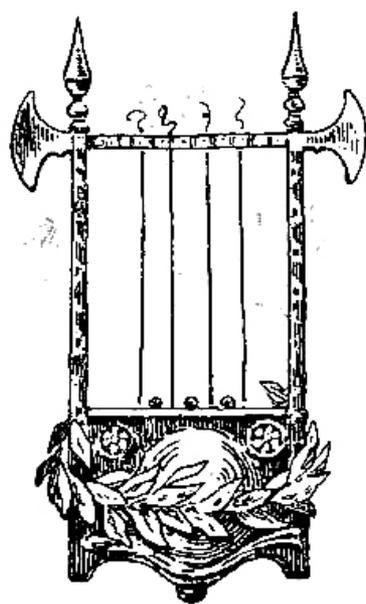

ПАМЯТИ
А. П. ЧЕХОВА

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ РОСС. СЛОВЕСНОСТИ.

1906.

А. П. Чеховъ.

Отрывки изъ воспоминаній.

М. Торькій.

А. П. Чеховъ.

Отрывки изъ воспоминаній.

Однажды онъ позвалъ меня къ себѣ въ деревню Кучукъ-Кой, гдѣ у него былъ маленькій клочекъ земли и бѣлый двухъ-этажный домикъ. Тамъ, показывая мнѣ свое „имѣніе“, онъ оживленно заговорилъ:

— Если бы у меня было много денегъ, я устроилъ бы здѣсь санаторій для больныхъ сельскихъ учителей. Знаете, я выстроилъ бы этакое большое, свѣтлое зданіе—очень свѣтлое, съ большими окнами и съ высокими потолками. У меня была бы прекрасная библіотека, разные музыкальные инструменты, пчельникъ, огородъ, фруктовый садъ... можно бы читать лекціи по агрономіи, метеорологіи... учителю нужно все знать, батенька, все!

Онъ вдругъ замолчалъ, кашлянулъ, посмотрѣлъ на меня сбоку и улыбнулся своей мягкой, милой улыбкой, которая всегда такъ неотразимо влекла къ нему и возбуждала особенное острое вниманіе къ его словамъ.

— Вамъ скучно слушать мои фантазіи? А я люблю говорить объ этомъ... Если бы вы знали, какъ необходимъ русской деревнѣ хорошій, умный, образованный учитель! У насъ въ Россіи его необходимо поставить въ какія-то особенныя условія, и это нужно сдѣлать скорѣе... если мы понимаемъ, что безъ широкаго образованія народа государство развалится, какъ домъ, сложенный изъ плохо обожженного кирпича! Учитель долженъ быть артистъ, художникъ, горячо влюбленный въ свое дѣло, а у насъ—это чернорабочій, плохо образованный человѣкъ, который идетъ учить ребятъ въ деревню съ такой же охотой, съ какой пошелъ бы въ ссылку. Онъ голоденъ, забитъ, запуганъ возможностью потерять кусокъ хлѣба... А нужно, чтобы онъ былъ первымъ человѣкомъ въ деревнѣ, чтобы мужики признавали въ немъ силу, достойную вниманія и уваженія, чтобы никто не смѣлъ орать на него... унижать его личность, какъ это дѣлаютъ у насъ всѣ: урядникъ, богатый лавочникъ, попъ, становой, попечитель школы, старшина... и тотъ чиновникъ, который носитъ званіе инспектора школъ, но заботится не о лучшей постановкѣ образованія, а только о тщательномъ исполненіи циркуляровъ округа... Нелѣпо же платить гроши человѣку, который призванъ воспитывать народъ,—вы понимаете?—воспитывать народъ!—Нельзя же допускать, чтобъ этотъ человѣкъ ходилъ въ лохмотьяхъ, дрожалъ отъ холода въ сырыхъ дырявыхъ школахъ, угоралъ, простужался, наживалъ себѣ къ тридцати годамъ лярингитъ, ревматизмъ, туберкулезъ... вѣдь это же стыдно намъ! Нашъ учитель восемь, девять мѣсяцевъ въ году живетъ какъ отшельникъ, ему не съ кѣмъ сказать слова, онъ тупѣетъ въ одиночествѣ, безъ книгъ, безъ развлеченій... а со-

зоветь онъ къ себѣ товарищей—его обвинять въ неблагонадежности... глупое слово, которымъ хитрые люди пугаютъ дураковъ!.. Отвратительно все это... точно какое-то издѣвательство надъ человѣкомъ, который дѣлаетъ большую, страшно важную работу... Знаете,—когда я вижу учителя,—мнѣ дѣлается неловко передъ нимъ и за его робость, и за то, что онъ плохо одѣтъ... мнѣ кажется, что въ этомъ убожествѣ учителя и самъ я чѣмъ-то виноватъ... серьезно!

Онъ замолчалъ, задумался и, махнувъ рукой, тихо сказалъ:

— Такая нелѣпая, неуклюжая страна — эта наша Россія.

Тѣнь глубокой грусти покрыла его славные глаза, тонкіе лучи морщинъ окружили ихъ, углубляя его взглядъ. Онъ посмотрѣлъ вокругъ и пошутилъ надъ собой.

— Видите,—цѣлую передовую статью изъ либеральной газеты я вамъ закатилъ... Пойдемте,—чаю дамъ... за то, что вы такой терпѣливый...

Это часто бывало у него:—говорить такъ тепло, серьезно, искренно и вдругъ усмѣхнется надъ собой и надъ рѣчью своей. И въ этой мягкой, грустной усмѣшкѣ чувствовался тонкій скептицизмъ человѣка, знающаго цѣну словъ, цѣну мечтаній. И еще въ этой усмѣшкѣ сквозила милая скромность, чуткая деликатность...

Мы тихонько и молча пошли въ домъ. Тогда былъ ясный, жаркій день; играя яркими лучами солнца, шумѣли волны; подъ горой ласково повизгивала, чѣмъ-то довольная, собака. Чеховъ взялъ меня подъ руку и, покашливая, медленно проговорилъ:

— Это стыдно и грустно, а вѣрно: есть множество людей, которые завидуютъ собакамъ...

И тотчасъ же, засмѣявшись, добавилъ:

— Я сегодня говорю все дряхлыя слова... значить,—старѣю!

Мнѣ очень часто приходилось слышать отъ него:

— Тутъ, знаете, одинъ учитель пріѣхалъ... больной, женатъ... у васъ нѣтъ возможности помочь ему? Пока я его уже устроилъ...

Или:

— Слушайте, Горькій, — тутъ одинъ учитель хочетъ познакомиться съ вами... Онъ не выходитъ, боленъ... Вы бы сходили къ нему... хорошо?

Или:

— Вотъ, учительницы просятъ прислать книгъ...

Иногда я заставалъ у него этого „учителя“: обыкновенно онъ, красный отъ сознанія своей неловкости, сидѣлъ на краешкѣ стула и въ потѣ лица подбиралъ слова, стараясь говорить глаже и „образованнѣе“, или, съ развязностью болѣзненно застѣнчиваго человѣка, весь сосредоточивался на желаніи не показаться глупымъ въ глазахъ писателя и осыпалъ Антона Павловича градомъ вопросовъ, которые едва ли приходили ему въ голову до этого момента.

Антонъ Павловичъ внимательно слушалъ невеселую, нескладную рѣчь; въ его грустныхъ глазахъ поблескивала улыбка, вздрагивали морщинки на вискахъ, и вотъ своимъ глубокимъ, мягкимъ, точно матовымъ голосомъ онъ самъ начиналъ говорить простыя, ясныя, близкія къ жизни слова, — слова, которыя какъ-то сразу упрощали собесѣдника: онъ переставалъ стараться быть умникомъ, отчего сразу становился и умнѣе, и интереснѣе...

Помню, одинъ учитель — высокій, худой, съ желтымъ, голоднымъ лицомъ и длиннымъ горбатымъ носомъ, меланхолически загнутымъ къ подбородку, сидѣлъ противъ Антона Павловича и, неподвижно глядя въ лицо ему черными глазами, угрюмо басомъ говорилъ:

— Изъ подобныхъ впечатлѣній бытія на протяженіи педагогическаго сезона образуется такой психическій конгломератъ, который абсолютно подавляетъ всякую возможность объективнаго отношенія къ окружающему

міру. Конечно, міръ есть ничто иное, какъ только наше представленіе о немъ...

Тутъ онъ пустился въ область філософіи и зашагалъ по ней, напоминая пьянаго на льду.

— А скажите,—не громко и ласково спросилъ Чеховъ,—кто это въ нашемъ уѣздѣ бьетъ ребятъ?

Учитель вскочилъ со стула и возмущенно замахалъ руками:

— Что вы! Я? Никогда! Бить?

И обиженно зафыркалъ.

— Вы не волнуйтесь,—продолжалъ Антонъ Павловичъ, успокоительно улыбаясь,—развѣ я говорю про васъ? Но я помню—читалъ въ газетахъ—кто-то бьетъ... именно въ нашемъ уѣздѣ...

Учитель сѣлъ, вытеръ вспотѣвшее лицо и, облегченно вздохнувъ, глухимъ басомъ заговорилъ:

— Вѣрно... Былъ одинъ случай... Это—Макаровъ... Знаете — не удивительно! Дико, но—объяснимо. Женатъ онъ... четверо дѣтей... жена—больная... самъ—въ чахоткѣ... жалованье—20 р... а школа—погребъ и учителю—одна комната... При такихъ условіяхъ—ангела Божія поколотишь безо всякой вины... а ученики—они далеко не ангелы... ужъ повѣрьте!

И этотъ человекъ, только что безжалостно поражавшій Чехова своимъ запасомъ умныхъ словъ, вдругъ, зловѣще покачивая горбатымъ носомъ, заговорилъ простыми, тяжелыми, точно камни, словами, ярко, какъ огнемъ, освѣщая проклятую, грозную правду той жизни, которой живетъ русская деревня...

Прощаясь съ хозяиномъ, учитель взялъ обѣими руками его небольшую сухую руку съ тонкими пальцами и, потрясая ее, сказалъ:

— Шель я къ вамъ, будто къ начальству, — съ робостью и дрожью... надулся, какъ индѣйскій пѣтухъ... хотѣлъ показать вамъ, что, молъ, и я не лыкомъ шить... а ухожу вотъ — какъ отъ хорошаго, близкаго человекъ, который все понимаетъ... Великое это дѣло—все понимать! Спасибо вамъ! Иду... Уношу съ собой

хорошую, добрую мысль: крупные-то люди проще и понятливѣе... и ближе душой къ нашему брату, чѣмъ всѣ эти мизеры, среди которыхъ мы живемъ... Прощайте... Никогда я не забуду васъ...

Носъ у него вздрогнулъ, губы сложились въ добрую улыбку и онъ неожиданно добавилъ:

— А собственно говоря, и подлецы—тоже несчастные люди... чортъ ихъ возьми!

Когда онъ ушелъ, Антонъ Павловичъ посмотрѣлъ вслѣдъ ему, усмѣхнулся и сказалъ:

— Хорошій парень... Не долго проучить...

— Почему?

— Затравяять... прогонять...

Подумавъ, онъ добавилъ негромко и мажко:

— Въ Россіи честный человѣкъ — что-то въ родѣ трубочиста, которымъ няньки пугаютъ маленькихъ дѣтей...

Мнѣ кажется, что всякій человѣкъ при Антонѣ Павловичѣ невольно ощущалъ въ себѣ желаніе быть проще, правдивѣе, быть болѣе самимъ собой, и я не разъ наблюдалъ, какъ люди сбрасывали съ себя пестрые наряды книжныхъ фразъ, модныхъ словъ и всѣ прочія дешевенькія штучки, которыми русскій человѣкъ, желая изобразить европейца, украшаетъ себя, какъ дикарь раковинами и рыбьими зубами. Ант. Павл. не любилъ рыбы зубы и пѣтушиныя перья; все пестрое, гремящее и чужое, надѣтое человѣкомъ на себя для „пущей важности“, вызывало въ немъ смущеніе, и я замѣчалъ, что каждый разъ, когда онъ видѣлъ передъ собой разряженнаго человѣка, имъ овладѣвало желаніе освободить его отъ всей этой тягостной и ненужной мишуры, искажавшей настоящее лицо и живую душу собесѣдника. Всю жизнь А. Чеховъ прожилъ на средства своей души, всегда онъ былъ самимъ собой, онъ былъ внутренно свободенъ и никогда не считался съ тѣмъ, чего одни ожидали отъ Ант. Чехова,

другіе—болѣе грубые—требовали. Онъ не любилъ разговоровъ на „высокія“ темы,—разговоровъ, которыми этотъ милый русскій человѣкъ такъ усердно потѣшаетъ себя, забывая, что смѣшно, но совсѣмъ не остроумно разсуждать о бархатныхъ костюмахъ въ будущемъ, не имѣя въ настоящемъ даже приличныхъ штановъ.

Красиво-простой, онъ любилъ все простое, настоящее, искреннее, и у него была своеобразная манера опрощать людей.

Однажды, я помню, его посѣтили три пышно одѣтыя дамы; наполнивъ его комнату шумомъ шелковыхъ юбокъ и запахомъ крѣпкихъ духовъ, онѣ чинно ушлись противъ хозяина, притворились, будто бы ихъ очень интересуеъ политика и—начали „ставить вопросы“.

— Антонъ Павловичъ! А какъ вы думаете, чѣмъ кончится война?

Ант. Павл. покашлялъ, подумалъ и мягко, тономъ серьезнымъ, ласковымъ отвѣтилъ:

— Вѣроятно,—миромъ...

— Ну, да... конечно!—Но кто же побѣдитъ? Греки или турки?..

— Мнѣ кажется,—побѣдятъ тѣ, которые сильнѣе...

— А кто, по вашему, сильнѣе?—на перебой спрашивали дамы.

— Тѣ, которые лучше питаются и болѣе образованы...

— Ахъ, какъ это остроумно!—воскликнула одна.

— А кого вы больше любите — грековъ или турокъ?—спросила другая.

Ант. Павл. ласково посмотрѣлъ на нее и отвѣтилъ съ кроткой, любезной улыбкой:

— Я люблю—мармеладъ... а вы—любите?

— Очень!—оживленно воскликнула дама.

— Абрикосовскій!—солидно подтвердила другая.

А третья полузакрыла глаза и вкусно добавила:

— Онъ такой ароматный!

И всѣ три оживленно заговорили, обнаруживая по

вопросу о мармеладѣ прекрасную эрудицію и тонкое знаніе предмета. Было очевидно—онѣ очень довольны тѣмъ, что не нужно напрягать ума и притворяться серьезно заинтересованными турками и греками, о которыхъ онѣ до этой поры и не думали.

Уходя, онѣ весело пообѣщали Ант. Павловичу:

— Мы пришлемъ вамъ мармеладу!

— Вы славно бесѣдовали!—замѣтилъ я, когда онѣ ушли.

Ант. Павловичъ тихо размѣялся и сказалъ:

— Нужно, чтобъ каждый человѣкъ говорилъ своимъ языкомъ...

Другой разъ я засталъ у него молодого, красивенькаго товарища прокурора. Онъ стоялъ предъ Чеховымъ и, потряхивая кудрявой головой, бойко говорилъ:

— Разкажемъ „Злоумышленникъ“ вы, Антонъ Павловичъ, ставите предо мной крайне сложный вопросъ. Если я признаю въ Денисѣ Григорьевѣ наличность злой воли, дѣйствовавшей сознательно, я долженъ, безъ оговорокъ, упечь Дениса въ тюрьму, какъ этого требуютъ интересы общества. Но онъ дикарь, онъ не сознавалъ преступности дѣянія... мнѣ его жалко! Если же я отнесусь къ нему, какъ къ субъекту, дѣйствовавшему безъ разумѣнія, и поддамся чувству состраданія,—чѣмъ я гарантирую общество, что Денисъ вновь не отвинтитъ гайки на рельсахъ и не устроитъ крушенія? Вотъ вопросъ! Какъ же быть?

Онъ замолчалъ, откинулъ корпусъ назадъ и уставился въ лицо Антону Павловичу испытующимъ взглядомъ. Мундирчикъ на немъ былъ новенькій и пуговицы на груди блестяли такъ же самоувѣренно и тупо, какъ глазки на чистенькомъ личикѣ юнаго ревнителя правосудія.

— Если бъ я былъ судьей,—серьезно сказалъ Антонъ Павловичъ,—я бы оправдалъ Дениса...

— На какомъ основаніи?

— Я сказалъ бы ему: ты, Денисъ, еще не дозрѣлъ до типа сознательнаго преступника, ступай—и дозрѣй!

Юристъ засмѣялся, но тотчасъ же вновь сталъ торжественно серьезенъ и продолжалъ:

— Нѣтъ, уважаемый Ант. Павл.,—вопросъ, поставленный вами, можетъ быть разрѣшенъ только въ интересахъ общества, жизнь и собственность котораго я призванъ охранять. Денисъ — дикарь, да, но онъ — преступникъ, — вотъ истина!

— Вамъ нравится граммофонъ? — вдругъ ласково спросилъ Антонъ Павловичъ.

— О, да! Очень! Изумительное изобрѣтеніе! — живо отозвался юноша.

— А я терпѣть не могу граммофоновъ! — грустно сознался Антонъ Павловичъ.

— Почему?

— Да они же говорятъ и поютъ, ничего не чувствую... И все у нихъ каррикатурно выходитъ... мертво... А фотографією вы не занимаетесь?

Оказалось, что юристъ страстный поклонникъ фотографіи; онъ тотчасъ же съ увлеченіемъ заговорилъ о ней, совершенно не интересуясь граммофономъ, несмотря на свое сходство съ этимъ „изумительнымъ изобрѣтеніемъ“, тонко и вѣрно подмѣченное Чеховымъ. Снова я видѣлъ, какъ изъ мундира выглянулъ живой и довольно забавный человѣчекъ, который пока еще чувствовалъ себя въ жизни, какъ щенокъ на охотѣ.

Проводивъ юношу, Антонъ Павловичъ угрюмо сказалъ:

— Вотъ этакіе прыщи на... сидѣньѣ правосудія — распоряжаются судьбой людей...

И, помолчавъ, добавилъ:

— Прокуроры, должно быть, очень любятъ удить рыбу... особенно — ершей!

Онъ обладалъ искусствомъ всюду находить и отбѣнять пошлость, — искусствомъ, которое доступно только человѣку высокихъ требованій къ жизни, которое создается лишь горячимъ желаніемъ видѣть людей

простыми, красивыми, гармоничными. Пошлость всегда находила въ немъ жестокаго и остраго судью.

Кто-то рассказывалъ при немъ, что издатель популярнаго журнала, человѣкъ, постоянно разсуждающій о необходимости любви и милосердія къ людямъ—севершено неосновательно оскорбилъ кондуктора желѣзной дороги и что вообще этотъ человѣкъ крайне грубо обращается съ людьми, зависимыми отъ него.

— Ну, еще бы,—сказалъ Антонъ Павловичъ, хмуро усмѣхаясь, — вѣдь онъ же аристократъ... образованный... онъ же въ семинаріи учился! Отецъ его въ лаптяхъ ходилъ, а онъ носить лаковые ботинки...

И въ тонѣ этихъ словъ было что-то, что сразу сдѣлало „аристократа“ ничтожнымъ и смѣшнымъ.

— Очень талантливый человѣкъ! — говорилъ онъ объ одномъ журналистѣ.—Пишетъ всегда такъ благородно, гуманно... лимонадно... жену свою ругаетъ при людяхъ душой... комната для прислуги у него сырая, и горничныя постоянно наживаютъ ревматизмъ...

— Вамъ, Антонъ Павловичъ, нравится NN?

— Да... очень... Пріятный человѣкъ... — покашливая, соглашается Антонъ Павловичъ. — Все знаетъ... читаетъ много... У меня три книги зачиталъ... Разсѣянный онъ... сегодня скажетъ вамъ, что вы чудесный человѣкъ, а завтра кому-нибудь сообщить, что вы прислугу обсчитываете, и у мужа вашей любовницы шелковые носки украли... черные, съ синими полосками.

Кто-то при немъ жаловался на скуку и тяжесть „серьезныхъ“ отдѣловъ въ толстыхъ журналахъ.

— А вы не читайте этихъ статей,—убѣжденно посоветовалъ Антонъ Павловичъ. — Это же дружеская литература... литература пріятелей... Ее сочиняютъ гг. Красновъ, Черновъ и Бѣловъ. Одинъ напишетъ статью, другой возразить, а третій примиряетъ противорѣчія первыхъ. Похоже, какъ будто они въ винтъ съ болваномъ играютъ... А зачѣмъ все это нужно читателю,—никто изъ нихъ себя не спрашиваетъ.

Однажды пришла къ нему какая-то полная дама, здоровая, красивая, красиво одѣтая и начала говорить „подъ Чехова“:

— Скучно жить, Антонъ Павловичъ! Все такъ сѣро: люди, небо, море, даже цвѣты кажутся мнѣ сѣрыми... И нѣтъ желаній... душа въ тоскѣ... Точно какая-то болѣзнь...

— Это — болѣзнь! — убѣжденно сказалъ Антонъ Павловичъ.— Это болѣзнь... По-латыни она называется *morbus pritvorialis*... Дама, къ ея счастью, видимо, не знала по-латыни, а можетъ быть скрыла, что знаетъ...

— Критики похожи на слѣпней, которые мѣшаютъ лошади пахать землю,—говорилъ онъ, усмѣхаясь своей умной усмѣшкой. — Лошадь работаетъ, всѣ мускулы натянуты, какъ струны на контрабасѣ... а тутъ на крупѣ садится слѣпень и щекочетъ, и жужжитъ... нужно встряхивать кожей и махать хвостомъ. О чемъ онъ жужжитъ? Едва ли ему понятно это... просто — характеръ у него безпокойный и заявить о себѣ хочется,—моль, тоже на землѣ живу!.. Вотъ видите,—могу даже жужжать.., обо всемъ могу жужжать! Я двадцать пять лѣтъ читаю критики на мои рассказы, а ни одного цѣннаго указанія не помню, ни одного добраго совѣта не слышалъ... Только однажды Скабичевскій произвелъ на меня впечатлѣніе... онъ написалъ, что я умру въ пьяномъ видѣ подъ заборомъ...

Въ его сѣрыхъ, грустныхъ глазахъ почти всегда мягко искрилась тонкая насмѣшка, но порою эти глаза становились холодны, остры и жестки; въ такія минуты его гибкій, задушевный голосъ звучалъ тверже, и тогда — мнѣ казалось, что этотъ скромный, мягкій человѣкъ, если онъ найдетъ нужнымъ, можетъ встать противъ враждебной ему силы крѣпко, твердо и не уступить ей.

Порою же, казалось мнѣ, — что въ его отношеніи къ людямъ было чувство какой-то безнадежности, близкое къ холодному, тихому отчаянію.

— Странное существо—русскій человѣкъ! — гово-

риль онъ однажды.—Въ немъ, какъ въ рѣшетѣ, ничего не задерживается... Въ юности онъ жадно наполняетъ душу всѣмъ, что подѣ руку попало, а послѣ тридцати лѣтъ въ немъ остается какой-то сѣрый хламъ... Чтобы хорошо жить, по-человѣчески—надо же работать! Работать съ любовью, съ вѣрой... А у насъ не умѣютъ этого... Архитекторъ, выстроивъ два-три приличныхъ дома, садится играть въ карты, играетъ всю жизнь, или же торчитъ за кулисами театра. Докторъ, если онъ имѣетъ практику, перестаетъ слѣдить за наукой, ничего, кромѣ „Новостей терапіи“, не читаетъ и въ сорокъ лѣтъ серьезно убѣжденъ, что всѣ болѣзни—простуднаго происхожденія. Я не встрѣчалъ ни одного чиновника, который хоть немножко понималъ бы значеніе своей работы: обыкновенно онъ сидитъ въ столицѣ или губернскомъ городѣ, сочиняетъ бумаги и посылаетъ ихъ въ Змievъ и Сморгонь для исполненія. А кого эти бумаги лишаютъ свободы движенія въ Змievѣ и Сморгони,—объ этомъ чиновникъ думаетъ такъ же мало, какъ атеистъ о мученіяхъ ада. Сдѣлавъ себѣ имя удачной защитой, адвокатъ уже перестаетъ заботиться о защитѣ правды, а защищаетъ только право собственности, играетъ на скачкахъ, ѣстъ устрицъ и изображаетъ собой тонкаго знатока всѣхъ искусствъ. Актеръ, сыгравши сносно двѣ-три роли, уже не учитъ больше ролей, а надѣваетъ цилиндръ и думаетъ, что онъ гений. Вся Россія—страна какихъ-то жадныхъ и лѣнивыхъ людей: они ужасно много и красиво ѣдятъ, пьютъ, любятъ спать днемъ и во снѣ храпятъ. Женятся они для порядка въ домѣ, а любовницъ заводятъ для престижа въ обществѣ. Психологія у нихъ—собачья: бьютъ ихъ—они тихонько повизгиваютъ и прячутся по своимъ конурамъ, ласкаютъ—они ложатся на спину, лапки кверху и виляютъ хвостиками.

Тоскливое и холодное презрѣніе звучало въ этихъ словахъ. Но, презирая, онъ сожалѣлъ, и когда, бывало, при немъ ругнешь кого-нибудь, Антонъ Павловичъ сейчасъ же вступится:

— Ну, зачѣмъ вы? Онъ же старикъ... ему же семьдесятъ лѣтъ...

Или:

— Онъ же вѣдь еще молодой... это же по глупости...

И когда онъ говорилъ такъ, — я не видѣлъ на его лицѣ брезгливости...

Въ юности пошлость кажется только забавной и ничтожной, но понемногу она окружаетъ человѣка, своимъ сѣрымъ туманомъ пропитываетъ мозгъ и кровь его, какъ ядъ и угаръ, и человѣкъ становится похожъ на старую вывѣску, изъѣденную ржавчиной: какъ будто что-то изображено на ней, а что? — не разберешь.

Антонъ Чеховъ уже въ первыхъ разсказахъ своихъ умѣлъ открыть въ тускломъ морѣ пошлости ея трагически-мрачныя шутки; стоитъ только внимательно прочесть его „юмористическіе“ разсказы, чтобы убѣдиться, какъ много за смѣшными словами и положеніями — жестокаго и противнаго скорбно видѣлъ и стыдливо скрывалъ авторъ.

Онъ былъ какъ-то цѣломудренно скромень, онъ не позволялъ себѣ громко и открыто сказать людямъ:

— Да будьте же вы... порядочнѣе! — тщетно надѣясь, что они сами догадаются о настоящей необходимости для нихъ быть порядочнѣе. Ненавидя все пошрое и грязное, онъ описывалъ мерзости жизни благороднымъ языкомъ поэта, съ мягкой усмѣшкой юмориста, и за прекрасной внѣшностью его разсказовъ мало замѣтенъ полный горькаго упрека ихъ внутренній смыслъ.

Почтеннѣйшая публика, читая „Дочь Альбіона“, смѣется и едва ли видитъ въ этомъ разсказѣ гнуснѣйшее издѣвательство сытаго барина надъ человѣкомъ одинокимъ, всему и всѣмъ чужимъ. И въ каждомъ изъ юмористическихъ разсказовъ Антона Павловича я

слышу тихій, глубокой вздохъ чистаго, истинно-человѣческаго сердца, безнадежный вздохъ состраданія къ людямъ, которые не умѣютъ уважать свое человѣческое достоинство и, безъ сопротивленія подчиняясь грубой силѣ, живутъ, какъ рыбы, и ни во что не вѣрятъ, кромѣ необходимости каждый день хлебать возможно болѣе жирныя щи, и ничего не чувствуютъ, кромѣ страха, какъ бы кто-нибудь сильный и наглый не побилъ ихъ.

Никто не понималъ такъ ясно и тонко, какъ Антонъ Чеховъ, трагизмъ мелочей жизни, никто до него не умѣлъ такъ безошибочно правдиво нарисовать людямъ позорную и тоскливую картину ихъ жизни въ тускломъ хаосѣ мѣщанской обыденщины.

Его врагомъ была пошлость; онъ всю жизнь боролся съ ней, ее онъ осмѣивалъ и ее изображалъ безстрастнымъ, острымъ перомъ, умѣя найти плѣсень пошлости даже тамъ, гдѣ съ перваго взгляда, казалось, все устроено очень хорошо, удобно, даже — съ блескомъ... И пошлость за это отомстила ему скверненькой выходкой, положивъ его трупъ — трупъ поэта — въ вагонъ „для перевозки свѣжихъ устрицъ“.

Грязно-зеленое пятно этого вагона кажется мнѣ именно огромной, торжествующей улыбкой пошлости надъ уставшимъ врагомъ, а безчисленныя „воспоминанія“ уличныхъ газетъ — лицемѣрной грустью, за которой я чувствую холодное, пахучее дыханіе все той же пошлости, втайнѣ довольной смертью врага своего.

Читая рассказы Антона Чехова, чувствуешь себя точно въ грустный день поздней осени, когда воздухъ такъ прозраченъ и въ немъ рѣзко очерчены голыя деревья, тѣсные дома, сѣренькіе люди... Все такъ странно—одиноко, неподвижно и бессильно. Углубленныя синія дали—пустыни и, сливаясь съ блѣднымъ небомъ, дышатъ тоскливымъ холодомъ на землю, по-

крытую мерзлой грязью... Умъ азтора, какъ осеннее солнце, съ жестокой ясностью освѣщаетъ избитыя дороги, кривыя улицы, тѣсныя и грязныя дома, въ которыхъ задыхаются отъ скуки и лѣни маленькіе жалкіе люди, наполняя дома свои неосмысленной, полусонной суетой. Вотъ тревожно, какъ сѣрая мышь, шмыгаетъ „Душечка“,—милая, кроткая женщина, которая такъ рабски, такъ много умѣетъ любить. Ее можно ударить по щекѣ и она даже застонать громко не посмѣетъ, кроткая раба... Рядомъ съ ней грустно стоитъ Ольга изъ „Трехъ сестеръ“: она тоже много любить и безропотно подчиняется капризамъ развратной и пошлой жены своего лѣнтяя брата, на ея глазахъ ломается жизнь ея сестеръ, а она плачетъ и никому ничѣмъ не можетъ помочь, и ни одного живого, сильнаго слова протеста противъ пошлости нѣтъ въ ея груди.

Вотъ слезоточивая Раневская и другіе бывшіе хозяева „Вишневаго сада“,—эгоистичные, какъ дѣти, и дряблые, какъ старики. Они опоздали во-время умереть и ноютъ, ничего не видя вокругъ себя, ничего не понимая,—паразиты, лишеныя силы снова присосаться къ жизни. Дрянненькій студентъ Трофимовъ красно говоритъ о необходимости работать и — бездѣльничаетъ, отъ скуки развлекаясь глупымъ издѣвательствомъ надъ Варей, работающей не покладая рукъ—для благополучія бездѣльниковъ.

Вершининъ мечтаетъ о томъ, какъ хороша будетъ жизнь черезъ триста лѣтъ, и живетъ, не замѣчая, что около него все разлагается, что на его глазахъ—Соленый отъ скуки и по глупости готовъ убить жалкаго барона Тузенбаха.

Проходить передъ глазами безчисленная вереница рабовъ и рабынь своей любви, своей глупости и лѣни, своей жадности къ благамъ земли; идутъ рабы темнаго страха предъ жизнью, идутъ въ смутной тревогѣ и наполняютъ жизнь безсвязными рѣчами о будущемъ, чувствуя, что въ настоящемъ—нѣтъ имъ мѣста.

Иногда въ ихъ сѣрой массѣ раздается выстрѣлъ,— это Ивановъ или Треплевъ догадались, что имъ нужно сдѣлать, и—умерли.

Многіе изъ нихъ красиво мечтаютъ о томъ, какъ хороша будетъ жизнь черезъ двѣсти лѣтъ, и никому не приходитъ въ голову простой вопросъ: да кто же сдѣлаетъ ее хорошей, если мы будемъ только мечтать?

Мимо всей этой скучной, сѣрой толпы безсильныхъ людей прошелъ большой, умный, ко всему внимательный человѣкъ, посмотрѣлъ онъ на этихъ скучныхъ жителей своей родины и съ грустной улыбкой, тономъ мягкаго, но глубокаго упрека, съ безнадежной тоской на лицѣ и въ груди, красивымъ искреннимъ голосомъ сказалъ:

— Скверно вы живете, господа!

Стыдно такъ жить!

